

САМООБМАН В ПРОЗЕ Е. П. ГРЕБЁНКИ

В статье представлен анализ прозы Е.П. Гребёнки с целью определения функции мотива самообмана в поэтике автора.

Ключевые слова: мотив, самообман, обман, повесть, рассказ, сюжет, композиция, персонаж, герой.

N.P. Plechova

THE MOTIVE OF SELF-DECEPTION IN E.P. GREBENKA'S PROSE

This article is devoted to E.P. Grebenka's prose where we define functions of the self-deception motive.

Key words: motive, deception, self-deception, story, plot, composition, hero, character.

К теме обмана обращались авторы русской литературы, она актуализирована в русском героическом эпосе, в сказках. Обман как важная категория морали всегда был важнейшей составляющей жизни человека, прибегающего к обману из-за невозможности решить по-другому те или иные вопросы. Если обман - это "акция ложных слов, или дел, в результате чего объекту обмана наносится вред в виде неправдивой информации или материального ущерба" [4, с. 13], то самообман, переформулируя сказанное, определяется принесением ущерба самому себе.

Проза украинского писателя Е.П. Гребёнки (1812-1848) демонстрирует частотность как мотива обмана, так и самообмана. Предметом рассмотрения в данной статье является самообман, представленный в прозе Е.П. Гребёнки в различных видах.

1. Самообман в отношении любви, и доверия.

В "Лесничем" (1845) мотив самообмана связан с образом Верочки, решившей, что она любит Василия Кузьмича. Героиня полагает, что его ухаживания вызваны симпатией к ней. Грубость и солдафонство Василия Кузьмича настолько разнятся с тонкостью и деликатностью в общении с людьми лесничего Карла Адамовича, его умом и образованностью, что предпочтение Верочкой бравого полковника выглядит со стороны очевидным самообманом. Василий Кузьмич ищет невесту с хорошим приданым, чтобы впоследствии воспользоваться им. Полковник через две недели после свадьбы наскучил Верочке, а потом разорил ее. Верочка обманывается не только в чувстве Василия Кузьмича к ней, но и в его человеческих качествах. Василий Кузьмич оказался неосмотрителен: он не только разорил жену, но и погиб на дуэли, оставив её в одиночестве.

В рассказе "Потапова неделя" (1836) муж обманывается в верности жены и ее добрых намерениях к нему. Молодая жена Настя создает нелепые ситуации, показывающие ненормальность Потапа, чтобы избавиться от него. Так, в первой истории с журавлем Настя убеждает мужа, что такую большую птицу нельзя убить палкой, хотя происходит именно так. Потап хочет попробовать суп из журавля, которым жена уже угостила любовника, поэтому ей приходится хитрить с мужем. Во второй ситуации Настя закапывает рыбу в землю на поле, чтобы Потап рассказал всем об удивительном урожае. В третьей истории Настя предлагает мужу связать его на ночь, чтобы он ненароком не зарезал ее. Сама же проводит время с любовником Петей Опанасовичем, а лошади обрезают гриву, чтобы обвинить в этом мужа.

Таким образом, Потап позволяет Насте совершать нелепости, доказывающие его сумасшествие, поскольку он безусловно доверяет ей и не допускает мысли о возможности измены жены. Насте удается добиться признания Потапа сумасшедшим.

В романе "Доктор" (1844) самообман также связан с проблемой доверия. Речь идет об отношениях Ивана Тарасовича Севрюгина с женой Юлией, которую он воспринимает как добродетельную, нежную и любящую женщину. Юлия обманывает Ивана Тарасовича со дня первого знакомства, при котором доктор не замечает беременности пациентки, а позже не хочет верить слухам о ее фривольном поведении. Иван Тарасович верит родственникам жены, не желая видеть в их действиях корыстных помыслов.

У Севрюгина идеальное, и, как выясняется, обманчивое представление о женщинах: "... женщины должны быть все предобрые, прехорошенькие, гораздо выше нас" [1, с. 203]. Отец перед смертью предупреждает героя не верить людям, и в особенности женщинам, но Иван Тарасович предпочитает обманываться на этот счет, полагая, что "под прекрасной наружностью непременно должна быть чудесная душа!.. [1, с. 211]. Он больше доверяет авторам книг, чем опыту отца. Они, по мнению Ивана Тарасовича, знали жизнь.

Безволие героя, нежелание верить в коварность жены, заставляют его простить Юлию, позволить ей вернуться после очевидной всем, кроме него, измены с так называемым родственником-усачем. Именно самообман приводит Севрюгина к тому жалкому состоянию, в котором он оказывается по своей вине в конце жизненного пути, превращаясь из преуспевающего доктора в пьяницу и бродягу.

Самообман имеет место и в рассказе "Так иногда люди женятся" (1838), где помещик Василий Петрович предлагает совершенно незнакомому человеку, едва переступившему порог его дома, быть зятем только лишь потому, что тот ему всем потакает (например, помещик играет на скрипке - Здрав начинает плясать). Василий Петрович обманывается в капитане, который растрчивает его состояние, превращая имение в увеселительный дом.

2. Самообман в отношении жизни.

В рассказе "Игрок" (1844) жизнь обманывает все надежды Василия Матвеевича. Во-первых, не оправдывается надежда героя на получение наследства дяди: Василия Матвеевича опережает другой ловкий "родственник". По глупой случайности (обман приятелей-музыкантов) герой пропускает почтовую карету, направляющуюся в Москву, и не застаёт дядю в живых. Во-вторых, не оправдывается надежда на повышение по службе, доставшееся другому молодому человеку - Поклончикову. В-третьих, дочь начальника, которую Василий Матвеевич желает видеть своей невестой, стала благосклонна к другому. В-четвертых, не оправдывается надежда героя на карьеру музыканта.

Обманываясь во всем, Василий Андреевич теряет вкус к жизни, но его знакомый, Иван Агапопитович, возвращает молодого человека на круги своя, уверяя, что игра в карты, от которой Василий Андреевич отказывается, сулит много приятного. Так, Поклончиков за игрой знакомился с нужными для повышения по службе людьми. Карты, уверяет бывалый в этих делах Иван Агапопитович, дают возможность нажить капитал.

В конце рассказа герой выглядит вполне благополучным. Никаких следов самообмана не остается. При этом рассказчик не комментирует душевного состояния героя, останавливаясь на внешнем описании (получение чина, увлечение картами). По замечанию С.Д. Зубкова, "речь идет о развращающей силе общества, которое сокрушает нестойкие характеры и приводит если не к физической смерти, то к моральному падению, воспитывая по образу и подобию своему "добрых малых", которым более приличествовало бы имя подлеца" [5, с. 233]. Василий Андреевич, обманываясь в самом главном (призвании, любовь, честность), мертвеет, становится подобием тех карт, которые разыгрывают в свете.

Мотив самообмана мы встречаем в "Записках студента" (1841). Герой мечтает, уезжая в Петербург, о "большой" жизни, о разгуле деятельности, но обманывается. "Дядюшка" не торопится принимать родственника из провинции, а без знакомств в столице трудно выбиться в люди. Обманывается студент и в возлюбленной, ради которой едет в Петербург, чтобы после удачной службы, как надеется герой, жениться. Находясь в чуждом ему Петербурге, студент узнает о замужестве девушки.

Предается и еще одна мечта героя. Если до отъезда в столицу студент видит себя счастливым, зная, что родные любят и поддерживают его во всем, то в Петербурге, терпя неудачи, герой узнает о потере родового имени, произошедшей в результате смерти отца. Как отмечает в связи с темой утраченных иллюзий Ю.В. Манн, обманчивость мечтаний юности - закон действительности. Отрезвление становящегося взрослым человека - норма.¹ С героем Гребёнки этого отрезвления не происходит, поскольку он не смог перейти из юношеского состояния во взрослое, и, следовательно, неисполнение мечтаний для него - трагедия. Самообман в этой повести губит героя.

3. Самообман как средство исправления ошибок, повторное проживание жизненного пути на другом качественном уровне.

В "Верном лекарстве" (1839) самообман героя - результат фантазии, воображения, силы желания. Дмитрию Ивановичу исполняется пятьдесят лет, он решает загадать желание в свой день ангела, веря в его исполнение. В этот день герой осознает что вся прожитая жизнь была посвящена работе, трудам, а должной радости от этого Дмитрий Иванович не испытал.

Волей случая оказавшись у муллы, герой покупает, как он думает, лекарство, которое должно вернуть молодость. После пятидесятилетия герой проживает жизнь в обратном отсчете времени, приближаясь в итоге, как он думает, к младенческому состоянию. Самообман дает возможность Дмитрию Ивановичу почувствовать себя в ином качестве, прожить каждую минуту с осознанием ее ценности, выявить положительное, жизнерадостное во всем. Даже детские шалости позволяют испытывать невероятное удовольствие (тайное раскуривание трубки мальчишками).

Самообман героя, таким образом, дает возможность ощутить иное качество жизни. Дмитрия Ивановича радует все в окружающем, так как он верит, что из младенческого состояния, к которому он приближается, он потом перейдет в обычное состояние человека: иначе говоря, из младенца начнет развиваться во взрослого. Но это - самообман, который раскрывает Дмитрию Ивановичу доктор, пришедший навестить восьмидесятилетнего пациента. Как только герой узнает о том, что мулла продал ему обыкновенное средство, никак не влияющее на организм, он умирает. Самообман в этой повести, с одной стороны, возрождает героя к жизни, заставляя ощущать ее прелесть и разнообразие, с другой - убивает его, поверившего в фантастические возможности перемены человеческого тела и духа.

4. Самообман в рассказе "Калиф на час" (1844) - следствие невежества героя. Помещик Иван Иванович Тараканов убедил всех и, прежде всего, себя, что он - потомок княжеского рода. Подтверждением этого факта стала покупка портрета, изображавшего очень похожего на Тараканова человека (на портрете была надпись: "Хан - Гирей Кипчак-Таракан, впоследствии князь Георгий Тараканов". Москва, 1444). Самообман героя развенчивает один из гостей, приглашённых Иваном Ивановичем по случаю обретения им княжеского звания. Директор гимназии Алексей Семёнович демонстрирует неопровержимые доказательства подделки портрета, на обратной стороне которого указывается Сенька Филонов, крепостной, выступивший в роли Калифа Багдадского. Нам неизвестна реакция Ивана Ивановича, но можно предположить, что он придумает историю, которая оправдает самообман. Не случайно его называют большим лгуном, придумывающим ежедневно множество историй, которых никогда ни с кем не происходило.

5. Самообман как следствие обмана.

Самообман в рассказе "Сеня" (1841) - следствие обмана. Сеня желая выступить в глазах провинциалов - жителей Синевода - важной фигурой, столичным жителем, придумывает разные истории о себе и других. Синеводцы приписывают Сене сочинение одной книги, в которой находят пасквиль на себя и свою жизнь. Так, автор книги под вымышленными именами выводит пару, в которой жена обманывает мужа, а учитель из той же книги, танцуя, машет платочком, что автору кажется нелепым и смешным.

В типажах героев синеводцы-обыватели видят прямое изображение самих себя. Единственный человек, кто не поверит этому и здраво оценивает услышанное - судья, к которому не преминули обратиться оскорбленные господа.

¹ См. об этом: Манн Ю.В. Философия и поэтика "натуральной школы" // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 251-254.

Обвинения в адрес Сени, отрицательное мнение о себе герой во многом создаёт сам, пренебрегая законами света, позволяя себе прямо высказывать мнение о людях. Из-за нелепостей в поведении синеводцы невзлюбили Сено. Даже родители в конце рассказа верят навету на сына, а не ему самому - настолько велики самообман, сила общественного мнения. Однако Сено это несколько не смущает. Он продолжает лгать всем. И после выдворения из Синевода, возвращаясь в Петербург, он рассказывает о том, как хорошо его приняли и даже не хотели отпускать.

В "Приключениях синей ассигнации" (1847) самообман описан в двух историях. Первая - в рассказе об Алёше Канчукевиче, получившем от отца большое состояние. Его приятель Подметкин понимает, что Алеша - совершенный глупец, не способный без его помощи найти в доме скупого отца спрятанных денег. Подметкин не брезгает сорвать с шеи покойника подозрительно большой галстук, в котором действительно оказываются пачки купюр. Он переезжает жить к Канчукевичу, покупает мебель, заводит слуг и полностью перестраивает быт Алеша.

Алеша во всём послушен Подметкину, по сути управляющему его жизнью. Ему чужда мысль о странности такой помощи, о том, что его деньгами распоряжается посторонний человек, покупающий крепостных и записывающий их на своё имя, ссылаясь на то, что у Алеша нет чина, и он не может быть владельцем людей. "Но люди видели в Подметкине своего барина и почти не слушали Алеша, хотя Подметкин и они все жили на его счет. Когда Алеша, желая расположить кого-нибудь из слуг, давал ему денег, тот делался почти его приятелем, а другие косились, сердились и пуще прежнего старались грубить, чтоб вынудить и себе подобную благосклонность" [3, с. 465-466].

Все истории, рассказываемые синей ассигнацией, не окончены. Можно предположить, что Подметкин истратит все деньги Алеша, а на часть из них купит имущество, оставив доброго и доверчивого друга нищим.

Во второй истории "Приключений синей ассигнации" чиновник преследует цель обмануть начальника. Герой берет на дом работу, выполнение которой не требует много времени, но намерение молодого человека – внушить начальству, что его усердие чрезмерно. Для этого он каждую ночь ставит на окно свечу, свет которой мешает спать живущему напротив начальнику. В результате этого начальник действительно решает, что столь рьяное усердие молодого человека должно быть вознаграждено, и повышает его в чине.

В романе "Чайковский" (1843), посвящённом жизни казаков, самообман, как и в предыдущем тексте, тоже следствие обмана. Это представлено в двух случаях. Первый - ситуация казни Алеша-поповича, явившейся следствием ослушания героем закона Сечи, в которой не должна находиться женщина.

Кошевой (сокурсник Алеша) находит предлог, позволяющий избавить героя от казни. Этот предлог по сути - самообман казаков, стремящихся, с одной стороны, строго соблюдать законы Сечи, с другой же - если эти законы грозят смертью храброго товарища, допустить их иную трактовку.

Кошевой придумывает хитрый ход, с помощью которого Алеша должен, по закону, как настоящий запорожец, получить прозвище. Так как приговор вынесен Алеша-поповичу, а его новое прозвище - Чайковский, то Чайковского казнить нельзя. Казаки принимают эту хитрость, по достоинству оценив ее, и тем самым избавляют Алексея от смерти. (Игра именами - сознательный самообман казаков).

Второй случай самообмана Алеша, Никиты, Марины и других связан с личностью Герцика - "верного" слуги полковника Ивана, друга Алеша. Герцик обманывает всех, умело предаёт казаков, договариваясь о нападении на них с татарами. Он обманом получает состояние полковника, подстраивая его смерть. Он же отстраняет от разговора с Иваном Никиту, сажая его под арест. Единственное, что не удается предателю, - убийство Алексея, должное произойти на охоте. В решающий момент Герцик оказывается укушенной змеей, смертельный яд которой заставляет его страдать, а перед смертью - рассказать о своих злодеяниях.

Любопытно, что мотив еще одного самообмана в романе возникает в важный момент, когда отравленный укусом змеи герой может излечиться. Знахарка, усугубившая болезнь Гер-

цика и ускорившая своим лечением его смерть, оказывается родной матерью героя, но узнает она об этом после лечения-мести. Женщина мстит казакам за потерю детей, которых те когда-то давно у неё отняли, и оказывается обманутой.

В результате оба отрицательных героя романа наказаны за свои злодеяния. Самообман положительных героев приводит к трагедии - гибели полковника, лишению его дочери наследства. Правда, после признания Герцика и его смерти всё кроме, естественно, воскресения Ивана, восстанавливается. Самообман старухи-знахарки также трагичен: она убивает родного сына, что можно расценить как месть судьбы, благоволящей казакам.

В прозе Е.П. Гребёнки, представляющей собой нравоописательные произведения, мотив самообмана выполняет важные функции. Он выступает большей частью на бытовом уровне (самообман в любви, самообман как следствие невежества героя, самообман - следствие обмана). В то же время, хотя Гребёнку упрекали в отсутствии глубины изображения², беллетрист в отдельных произведениях обращает героев к бытийным вопросам.

Так, в повести "Верное лекарство" Дмитрий Иванович производит обобщение своей жизни, приходя к выводу о ее ничемности, бессмысленности прожитого, и наивно верит в фантастическую возможность повторного, хотя и другого по качеству проживания жизни.

Также трагичен самообман в "Записках студента" и в "Игроке", где показано разрушение основ жизни (надежда на создание семьи, устройство на службу). Правда, в первой повести трагедия несправима, в сравнении с "Игроком", герой которого омертвевает, но получает все, что, с точки зрения света, должно быть у человека. В этой повести бытийное восприятие неудач сменяется бытовым, и герой оказывается способным предать себя, обманываясь уже не в реально невозможном, в том, что не получилось, а в благополучии действительно свершившегося, являющегося лишь поверхностным, материальным благом. Здесь под маской денег теряется человек.

В "Записках студента" герой страдает, погибает от несвершенности надежд, но не предает себя. Самообман в итоге становится способом проверки героя на прочность личности, ее моральных устоев и ценностных ориентиров. Особенно важно то, что беллетрист Гребёнка, которого упрекали в привязанности к быту, в неспособности к обобщению [7, с. 83]; [8, с. 258], в отдельных своих сочинениях ставит проблемы онтологического порядка, хотя и не всегда показывает пути их решения.

Литература

1. Гребёнка Е.П. Избранные произведения. Киев, 1954.
2. Гребёнка Е.П. Сочинения Е.П. Гребёнки: В 2 т. Киев - Петербург - Харьков, 1902.
3. Гребёнка Е.П. Чайковский. Роман. Повести. Киев, 1988.
4. Егоров Б.Ф. Тема обмана в русской литературе // Время и текст: Историко-литературный сборник / Науч. ред. Н.В. Серебренников. СПб., 2002. С. 13-17.
5. Зубков С.Д. Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребёнки в контексте русско-украинских литературных связей: Монография. Киев, 1979.
6. Манн Ю.В. Философия и поэтика "натуральной школы" // Проблемы типологии русского реализма: Сб. ст. / Под ред. Н.Л. Степанова и У.Р. Фохта. М., 1969. С. 241-306.
7. Современник. 1848. Т. XII. Кн. 1. С. 78-89.
8. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе. М., 1965.

---

² "Скользкому по поверхности быта Гребёнке не доступны были те "сокровенные тайны наших нравов", которые открывал более зоркий Некрасов" // Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе. М., 1965. С. 103.